

Константин Станюкович

На уроке

«Public Domain»

1869

Станюкович К. М.

На уроке / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1869

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Константин Михайлович Станюкович

На уроке

I

Глухая осень. Дождь зарядил с ночи и мелкой дробью барабанит по крышам и окнам. Пасмурное, мокрое, петербургское утро, такое, когда, ворча и хмурясь, с неохотой расстаешься с теплою постелью, гонимый нуждою на мокрую улицу.

Сумрачно показалось утро на улице, но еще сумрачней заглянуло оно в узкий переулок на Петербургской стороне и пробралось через мокрый серый забор в небольшую комнату надвornого строения. Серым полусветом осветило оно бедную обстановку в комнате: стол, прислонившийся к стене, о трех ножках, этажерку с книгами и маленький клеенчатый диванчик... На нем, свернувшись клубком, лежал молодой человек, покрытый шинелью.

Из себя молодой человек худощав, чуть-чуть бледен. Глаза неглупые, серые с блеском; волосы темные, кудреватые, откинулись назад, оставляя открытым большой широкий лоб. Общее впечатление: энергичное, хорошее лицо с добродушной, несколько лукавой улыбкой, показывающей в характере долю юмора.

Ворошилов только что проснулся. Он протер глаза, приподнялся и взглянул в окно. Увидав дождь, Ворошилов слегка поморщился и, взяв с полу сапоги, внимательно их осмотрел. Подметки на сапогах были истерты, и огромные дыры на каждом сапоге зияли темными пропастями.

– Эка, как скоро носятся! – проговорил Ворошилов и стал одеваться.

Скоро Ворошилов был готов. Исправив свое старенькое, много поношенное платье, молодой человек подошел к этажерке и не без аппетита принялся за ломоть ситника.

“Чай, Агафья опять самовар предложит!” – подумал он.

И только что пробежала эта мысль, как в комнату вошла кухарка Агафья и сказала:

– Давать, что ли, самовар?

– Нет, Агафья, не давать. Что-то не хочется сегодня чаю.

Однако Агафья заподозрила искренность отказа. Она находила несколько странным не желать по утрам (особенно по таким сырым, холодным утрам!) горячего чаю или кофе, а жилец (вспомнила Агафья) вот уже дней с десять как на вопросы агафьины: “давать ли самовар?” – отвечал: “не хочется”.

Агафья нерешительно мялась на пороге. Ее рябое, покрытое оспенными ямками, рыжеватое, доброе лицо выражало некоторую внутреннюю борьбу. Заскорузлые ее пальцы вовсе без пути шмыгали по стене, а глаза – тусклые, старые такие глаза! – не в меру часто моргали.

– Вы бы, Николай Николаич, – наконец сказала кухарка, – выпили бы чайку, право. У меня чай и сахар есть, коли не побрезгуете. Лишние! – добавила старуха.

– Спасибо, Агафья. Не хочется.

– Ведь этак и заболеть недолго. Встамши, надо горячее. Без горячего – нельзя.

– Можно! – улыбнулся Ворошилов. – Вот на урок пойду – там выпью.

– Ну, как знаешь! – с сердцем воркнула Агафья и вышла вон.

На кухне Агафья стала чистить сапоги другим жильцам и вспомнила про то, что у Ворошилова сапоги худы.

“Эка сиротливый!..” – подумала кухарка.

Молодой человек внушал Агафье большое участие, и она словно бы мать заботилась о Ворошилове. То без просьбы с его стороны латочку к его жилетке прикинет, то украдкой рубашку ему выстирает, то – случилось – побольше дровец в его комнату принесет, несмотря

на хозяйкину воркотню. Агафья сама была одинокая старуха – родные были далеко, в Пермской губернии – и искренно жалела одинокого Ворошилова.

– И не дает бог ему счастья!.. Все доброта! – не без злобы к этому качеству, проговорила Агафья и остановилась чистить сапоги.

С минуту она раздумывала. Потом подошла к своей кровати, оглядываясь, достала из-под нее маленький красный сундучишко и, сняв с образка ключ, отперла сундук. В агафьином сундуке было много всякой дряни, которую тем не менее Агафья очень берегла и не без гордости звала своим имением. Имение это было разнообразно; в сундуке была всякая всячина: старый подсвечник из томпаковой меди ¹ несколько тряпья, дырявая тальма ², несколько изорванных детских сорочек, бронзовая цепочка, купленная несколько лет тому назад для некоего городского, обещавшего на ней жениться, две-три пустых помадных банки, словом, немало всякого хлама, собранного Агафьей во время мыканья “по людям”. Раскопав этот хлам, Агафья добралась до заветного уголка и вытащила оттуда старое порыжелое портмоне. В нем было на десять рублей бумажками и рубля на три мелочи. Агафья, крадучись, пересчитала деньги, прикопленные несколькими годами подневольного житья, и тут же ей вспомнилось:

– Кабы не этот рыжий дьявол, было бы шестнадцать рублей!.. Эх, мазурики!

Воспоминание это относилось, конечно, к городовому, который, заняв у Агафьи три рубля и поклявшись перед образом, что на будущей же неделе женится, мало того что не женился и не отдал денег, но даже с тех пор и не показывался на глаза.

---

¹ Томпаковая медь – специальный сплав меди с цинком, разновидность латуни, применяемая для производства хозяйственных предметов.

² Тальма – женская длинная накидка без рукавов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.